

ПРАВИЛЬНАЯ КОМПАНИЯ ROLEX И ФИЛАРМОНИКИ СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

— Летний концерт в ночном парке у дворца Шёнбрунн со сценой у фонтана Нептуна — еще одна традиция, связанная с Венским филармоническим оркестром и с Rolex



RICHARD SCHUSTER / ROLEX



— Хронограф Rolex Cosmograph Daytona Rainbow предстал на нынешнем Baselworld в новом материале: золоте Everose 18 каратов с 36 цветными сапфирами багетной огранки на кольце циферблата

— Вот уже 70 лет каждый год устраивается новогодний концерт в Золотом зале Музикферайна

Самая известная часовая марка мира, Rolex, весьма разборчива в связях. Их «культурное партнерство» — всегда знак качества. С 2009 года Rolex поддерживает новогодний концерт в зале Музикферайна и ежегодный летний ночной концерт в саду Шёнбруннского дворца в Вене. Партнерству с Венским филармоническим оркестром скоро десять лет. И такого достойного партнера стоило поискать.

Что же такое Венские филармоники? Они старше, чем Климт и Шиле, старше, чем Ринг с веселой церемонностью его фасадов, и даже старше, чем Австро-Венгрия, явившаяся на смену единой Австрийской империи в 1867-м. Но если в виде риторического оборота сказать, что история Венского филармонического оркестра — это история самой музыкальной Вены, что ее можно возвести хоть к тем временам, когда в Вене поселились герцоги из старой династии Бабенбергов (которым нужны же были музыканты для их пиров и турниров), любой австриец возмутится. Нет, была придворная капелла, потом появилась придворная опера, но Филармоники — это совсем другое. Это не про империю, а про коллективную ответственность и про преданность музыке отдельного активного гражданина.

Даже не австриец, а пруссак Отто Николаи в 1842 году додумался сколотить из оркестрантов придворной оперы новый коллектив, который вне стен императорского театра жил совершенно не монархической и не бюрократической жизнью. Собственно, и живет. Самые важные решения принимаются на общем собрании, есть выборный исполком, занимающийся рутинными административными вопросами. Никакого присланного откуда следует расторопного генерального менеджера, который лучше знает, как оркестру работать, чем какие-то там скрипачи; никакого главного дирижера, которому оркестранты обязаны в рот смотреть. Справляются сами, никто не жалуется, качество музицирования при любых политических обстоятельствах стабильно, звук все так же узнаваемо культурен и мягок. И все это, заметьте, было придумано еще до 1848 года, до «весны народов» с волной революций по всему свету.

Но вот попасть туда не намного проще, чем выслужиться в генералы при Франце-Иосифе. Сначала устроился в оркестр Штаатсопер, отсиди в тамошней яме хотя бы три года, потом подай прошение о приеме в Музикферайн (Венское общество друзей музыки); если примут, то когда-нибудь, может статься, окажешься и среди Филармоников.

Учреждение консервативное донельзя — первую женщину приняли в оркестр только в 1997 году (и была это не какая-нибудь там ударница, а арфистка: вот уж революция, с ума сойти). Учреждение, до смешного честно соблюдающее традиции. Скажем, вот известный всему свету благодаря телетрансляциям новогодний концерт в Золотом зале Музикферайна — казалось бы, ну пусть в эту неогреческую роскошь любых лабухов без столь громкого имени, чтобы они сыграли «Марш Радецкого» и польку «Трик-так», чай, не Восьмая Малера. Но нет, играют сами. И одновременно учреждение на редкость гибкое. Концерты, гастроли — это святое, но при всем том что ни год, главный оркестр мира перебирается на лето в Зальцбург, на главный музыкальный фестиваль планеты. И там, не считаясь с тем, какой симфонический репертуар ему ближе, а какой дальше, исправно аккомпанирует в постановках опер Моцарта и Верди, Рихарда Штрауса и Шостаковича, Берга и Чайковского. Степень сенсационности трактовки, как положено, все-таки зависит от дирижера, но дирижер может быть уверен, что врученный ему инструмент не подведет ни в венской классике Моцарта и Бетховена, ни в нововенских извивах Берга и Шёнберга.

Великому певцу или великому дирижеру отпущено, в сущности, мало времени. Реноме даже великих оперных театров может сильно измениться в считанные годы. Других оркестров, которые бы на протяжении 175 лет сначала зарабатывали репутацию, а потом ее аккуратно и планомерно поддерживали до сего дня, больше попросту нет. Хотелось бы, чтобы у Вены был в этом смысле какой-то секрет, так же легко перенимаемый, как рецепт торта «Захер», — но кажется, что для этого долголетия ничего секретного и не нужно, кроме здоровой осмысленности, ежедневной, ежечасной и ежeminутной.